

19 января 1968 года

ГЛАВНАЯ ЛИНИЯ

...Динамик в гримировочном еще помалкивает. Тихо и пусто в зрительном зале. Изредка постукивают молотки на сцене: ставят декорации. До спектакля два часа. А Самойлов уже грифируется.

Он кладет тон на лицо. Прищурившись, вглядывается сам в себя. Крепкими, уверенными пальцами выщупывает щеки, нос, подбородок и время от времени вскидывает взгляд вверх, направо. Там к рамке зеркала прикопленна фотография: Ленин, профиль.

Я уже второй раз присутствую при этом священнодействии, когда с помощью грима лицо Самойлова приобретает дорогие черты. В первый раз это было в день сдачи спектакля художественному совету, часов в десять утра. Самойлов выглядел усталым и осунувшимся: вчера только побывал на Подвойского в «Шестом июля» на «Мосфильме», ночью в поезде высаться не удалось.

— Как думаешь, а это, наверное, даже неплохо, — обратился он тогда ко мне, — что круги под глазами. Если по человечески во всем разобраться, ему ведь тогда тоже не до сна было: день и ночь работа, заседания ЦК, изматывающие споры о войне и мире...

С тех пор он уже много раз играл Ленина в новом спектакле театра драмы по пьесе В. Раздольского «Выюга», постановку которого на горьковской сцене осуществил главный режиссер театра Б. Воронов. Спектакль уже «обжился», но каждый раз перед тем, как выйти на сцену, Самойлов перекивает все заново, ищет варианты, как будто все в первый раз.

...Третий звонок.

* * *

...«Ну, вот, пожалуйста! Понимаю, что не стреляли? — с этими словами, обращенными к шоферу Гилю, на сцене появляется Ленин. Он сумрачный и расстроенный: только что анархисты из банды Левы Чикина напали на его машину. Крупскую, его и Гиля высадили, угрожая оружием, автомобиль угнали.

Ленин врывается в действие сразу, неожиданно. Крупская, едва послевающая за быстрыми шагами мужа, пытается успокоить Владимира Ильича, упрекает его за то, что он поехал, не дождавшись охраны.

Ленин на это отвечает рассерженно и резонно: «Товарищи из охраны, очевидно, задержались на митинге, посвященном революционному порядку...»

Именно с этих слов берет начало главная линия и всей пьесы, и ленинского образа — изображение фразы, пустой, самодовольной и многообещающей, а на деле олицетворяющей разлад между словом и действительностью. Архреволюционная фраза пьянит и обезоруживает самых преданных партии и республике людей, ис-

тинных пролетариев и красногвардейцев. Вот, например, Тоня-комиссар. Совсем еще девочка с Самсоньевской мануфактуры, она очень хорошо и быстро усвоила лозунги и громкие слова, сердцем заучила революционные термины и целые тирады. Она не разговаривает, а словно выступает на митинге. Не здоровается с Лениным, а «приветствует» дорогого Ильича от имени пролетариев-выборжцев». Не веря в то, что только что произошло с Лениным, она убеждает его, что «у нас обеспечен абсолютный революционный порядок при полном подавлении темного элемента». Она никак не может спуститься на греческую землю со своей мысленной трибуны, чтобы понять жесткие и простые ленинские слова: «Вы несколько запоздали с приветствием, товарищи Антонина. Нас только что ограбили...»

Ленин предстает перед нами как практик, практик в большом и малом, требующий повсеместно «вексель революционной фразы обеспечить взятоей революционного действия». Он весь устремлен в практическую работу, с одинаковой серьезностью и заинтересованностью решая вопрос обеспечения Петрограда картошкой и проблему немедленного мира с Германией, потому что и от того и от другого в меньшей или большей степени, но зависит судьба всей революции.

Ленин представляет перед нами как практик, практик в большом и малом, требующий повсеместно «вексель революционной фразы обеспечить взятоей революционного действия». Он весь устремлен в практическую работу, с одинаковой серьезностью и заинтересованностью решая вопрос обеспечения Петрограда картошкой и проблему немедленного мира с Германией, потому что и от того и от другого в меньшей или большей степени, но зависит судьба всей революции.

Ленин у Самойлова — прежде всего борец, человек огромной силы воли и мужества. Убежденный в своей личной правоте и правоте дела, которому он служит, Ленин изображен в спектакле решительным, а порою даже крутым и резким. Эта трактовка ленинского образа непривычная, но справедлива.

Он гневен, когда узнает о фактах нарушения революционной законности, когда сталкивается с восторженным умилением, вместо простого человеческого уважения к нему самому.

Помните, Тоня докладывает ему, что бандиты разоружены, а Лева Чикин лично ею поставлен к стенке. И реакцию Ленина на это:

«Самосуд?.. Но меня уверяли, что с самосудами у нас покончено. Опять вранье?.. Должите товарищу Урицкому, что я прошу отнести к этому случаю очень серьезно!»

Узнав, что в рабочем клубе концерт Исаи Добройней, Владимир Ильич решает отложить свою беседу с рабочими до другого раза: «Решено! Уступаем музыке! Добройней, когда наивные революцион-

Актеры и роли

Надя. Рабочие слушают Добройней... Ты понимаешь, что это значит!..»

Ленин осторожно, чтоб не спугнуть музыку, входит в зал. И вдруг оттуда, разрушая звучание рояля, доносится чей-то неудержимый голос: «Да здравствует вождь пролетарской революции! Урал!» И шумные аплодисменты переходят в овацию. И нету музыки.

А теперь проследим за тем уроком, который вольно или невольно преподал Ленин и своим современникам, и нам,

ные речи произносит Тоня-комиссар, и совсем другое, когда, опьяненные первыми победами Октября, даже многие члены ЦК считают, что подписание мир с Вильгельмом нет необходимости, потому что в Германии вот-вот свершится-де пролетарская революция.

Ленин понимает всю беспочвенность этих надежд, но он по сути одинок в этой своей убежденности. Самые верные — во все другие годы — соратники, и те либо колеблются, увлеченные идеей мировой революции, которая, как они считают, скоро произойдет, или вместе с «левыми коммунистами» вы-

ступают против:

«Пятый раз за последние два дня ставлю этот вопрос перед ЦК. И пятый раз остаюсь на боях... Поразительное ослепление у членов ЦК».

Сталкиваются два отношения к действительности и революции — реальное, деловитое, вытекающее из глубокого понимания всех противоречий времени, и поверхностное, продиктованное желанием выдать свое «хотение» за действительность.

Ленин идет от жизни, от радости ее и неурядиц, от побед и страданий. Существующая реальность — вот основа ленинских выводов. Нет мелочей, судьба каждого и судьба революции — одна судьба. И поэтому, когда Владимир Ильич узнает, что жена Шебуева умерла с голоду, что болеют и мерзнут дети, он делает государственный вывод: «Мир! Любой ценой. Во что бы то ни стало...»

Видно, как Ленин устал, осунулся. Под глазами круги от бессонницы. Огромных усилий стоит ему сдерживать разражение. «Последнее время боюсь, как огня, крикунов и фразеров. Может быть, это делает меня односторонним». Но сквозь все это просвечивают духовная сила и мужество, доброта его и оптимизм.

Образ Ленина в пьесе выписан почти документально. Ленинские мысли, вернее даже ленинские цитаты, драматург заимствует для пьесы. Самойлов своей игрой еще больше углубляет и уточняет достоверность, настолько он соответствует по настроению, по духовному поведению каждой строке ленинских статей того времени.

Самойлов не стремится показать Ленина всеобъемлющее, всесторонне раскрыть характер этой личности, он цепко и заинтересованно прослеживает лишь ту совокупность черт, которые наиболее полно проявились в этот суровый для Родины и самого Ленина момент.

Ленин там, на сцене, борется не только за Советскую Республику 1918 года, за каждого из верных революции людей и в ЦК, и среди рабочих, он борется и за тех, что через полвека после Октября сидят в зрительном зале. Это огромной силы ленинский урок и предостережение нам.

Таким западает в душу ленинский образ, созданный Владимиром Самойловым.

А. ЦИРУЛЬНИКОВ.

На снимке: народный артист РСФСР В. Самойлов в сцене из спектакля.

Фото М. МАСКИНА.